

**ТРАНСЦЕНДЕНТНОЕ КАК «НЕИМЕНУЕМОЕ»
В ТВОРЧЕСТВЕ Г.Ф. ЛАВКРАФТА**

Д.А. Любченков

Студент 4 курса бакалавриата, направление подготовки «Химия»,
профиль «Аналитическая химия»

Благовещенский государственный педагогический университет,
675004, Амурская область, г. Благовещенск, ул. Ленина, 104
d19202004@mail.ru

А.С. Чупров

Доктор философских наук, профессор кафедры всеобщей истории,
философии и культурологии

Благовещенский государственный педагогический университет,
675004, Амурская область, г. Благовещенск, ул. Ленина, 104
alex.chupr@yandex.ru

С глубокой древности человечество пыталось выйти за пределы чувственного опыта. Ярким выражением не просто метафизического и ноумenalного (трансцендентального), а трансцендентного были образы, сформированные в мифах и легендах. Одним из таких образов стала богиня Геката, показывающая, что познание, попирающее принципы морали, грозит безумием. В своем стремлении к познанию человек перестал задумываться о последствиях, с которыми рано или поздно придется столкнуться. Говард Филлипс Лавкрафт – культовая фигура в мировой литературе, чьи произведения предвосхищали столкновение человечества с проблемой границ трансцендентного, а его философия космизма оказалась весьма актуальной в контексте становления неклассической и постнеклассической науки, особенностью которой стало вхождение субъекта познания в «тело» знания, меняя само понимание предмета науки. «Неомиф» лавкрафтианского ужаса, как и классические мифы, представляет собой попытку преодоления устойчивых концептуальных моделей осмысления бытийной проблематики в пространстве междисциплинарного синтеза гуманитарного и естественнонаучного знания. В статье показано, что работы Лавкрафта, как и любой неомиф, опираются на концептуальные модели, заимствованные из мифологии, чаще всего древнегреческой, а главное понятие его философии – «неименуемое» тесно связано с ужасом, так как именно опыт ужаса указывает на существование границ в природе, а, следовательно, познаваемой человеком реальности.

Ключевые слова: Лавкрафт, бытие, познание, философия ужаса, границы познания

«Наука, увечащая наше сознание своими невероятными открытиями, возможно, станет скоро последним экспериментатором над особями рода человеческого, – если мы сохранимся в качестве таковых, ибо мозг простого смертного вряд ли будет способен вынести изрыгаемые из тайников жизни бесконечные запасы неведомых дотоле ужасов» – писал Г.Ф. Лавкрафт в коротком, но пугающем произведении «Артур Джермин» [1, с. 1091]. Бурное развитие научно-технического прогресса не может не повлиять на наше восприятие действительности и остаться без последствий. На протяжении всей своей истории человечество стремилось познать этот мир, его законы, реальность. Познать само трансцендентное бытие. Стоит напомнить, что трансцендентальное и трансцендентное – это парные понятия, введенные в обиход средневековыми схоластами, особенно широко использовавшиеся в философии Иммануила Канта.

Трансцендентальное – то, что лежит в пределах чувственного опыта или, как писал Кант: «Я называю трансцендентальным всякое познание, занимающееся вообще не столько предметами, сколько нашими понятиями *a priori* о предметах вообще» [2, с. 41]. Априорные знания относятся к категории всеобщих познаний, одновременно имеющих характер внутренней необходимости, которые должны быть ясными и достоверными независимо от опыта, достоверными для самих себя. На основании этого можно сказать, что трансцендентальное находится как бы за *пределами опыта* в том смысле, что предшествует ему и делает возможным само опытное познание.

Трансцендентное – то, что лежит за пределами чувственного опыта. Термин «трансцендентный» употреблялся в философии Канта чаще всего для характеристики «ноуменов», то есть вещей-в-себе, которые не могут быть восприняты в чувственном (эмпирическом) опыте, а об их существовании мы узнаём лишь умозрительно, то есть не опытным путём. Чувственный опыт – это данные пяти органов чувств, однако эмоции – это переживание и того, что дано в чувственном опыте, и того, что лежит за его пределами. По этой причине ноумен (умопостигаемое или вещь-в-себе) часто ошибочно отождествляют с непознаваемым. Но это не так, поскольку постигать в мыслях или фантастических образах можно и то, что вполне переживаемо (в виде радости или ужаса), хотя не дано в чувственном опыте (душу, мир как целое и Бога). Более того, человек всегда охотно размышлял об этом, порождая, в частности, знаменитые кантовские антиномии чистого разума. Таким образом, несмотря на кажущуюся, на первый взгляд, принципиальную непознаваемость мира, познанию доступны явления через эмоции, являющиеся неотъемлемой частью чувственного опыта, выходящие за его пределы.

Попытки осмысления трансцендентности бытия предпринимались как в древних мифах, так и в современной науке. Так, одним из самых ярких воплощений трансцендентного (отображения трансцендентности бытия) в древности был образ богини Гекаты (древнегреч. Ἑκάτη – производное от ἑκάτερος «далекоразящая»). В своей Теогонии Гесиод представляет ее как божество, с родословной и силой которой приходится считаться: «Затем следует описание внукуов Урана (337–410) и его правнучки Гекаты, многоликой богини, от которой нередко зависит людское благосостояние» [3, с. 12]. Как правило, изображали ее в виде трех фигур, повернутых друг к другу спинами, символизирующих прошлое, настоящее и будущее:

«*Три, ведь ты знаешь, лица у суровой богини Гекаты,
Так как она стережет три перекрестных пути.
Так же и мне, чтобы мог не терять поворотами шеи
Времени, можно глядеть сразу вперед и назад*» [4, с. 735].

Геката, олицетворяя магию и волшебство, может свободно перемещаться из подземного мира в верхний, и наоборот. Более того, Геката не редко представляла чуть ли не в образе всемогущего божества. Так, Гесиод дал изображение Гекаты (не имеющее ничего общего с обычной богиней ночных привидений) как единой космической богини, управляющей всем в мире [4, с. 79]. Дочь древних титанов Перса и Астерии, она, одна из немногих хтонических божеств, оставшаяся в верхнем мире после Титаномахии, и это неспроста. Первобытная богиня, обладающая глубокими знаниями, силой и мудростью, была обречена на безумие. В теогонии Гесиода олимпийские боги и даже сам Зевс уважали Гекату и не вмешивались в ее дела, опасаясь ее могущества и непредсказуемой реакции: «...величайшим почетом пользуется при Зевсе уже упомянутая Геката, которой Гесиод придает множество организующих общественных функций» [3, с. 12]. Покровительница странников, магии и таинств в то же время символизировала психические заболевания и безумство. Это неудивительно, ведь любое знание, даже запретное, является знанием, и совсем не важно, каким путем и какими жертвами оно получено.

Таким образом, уже в древнем мире поднимается вопрос о природе познания и его влиянии на человека. Архетип богини Гекаты четко демонстрирует нам суть данной проблемы – познание мира из алчности или властолюбия, попирающее принципами морали, грозит безумием [5, с. 86]. В своем стремлении к познанию *запредельного* человек перестал задумываться о последствиях и тех ужасах, которые уготованы нам Вселенной. Какова же может быть расплата человечества за такое познание?

Говард Филлипс Лавкрафт (1890–1937) – одна из знаковых фигур на карте мировой литературы XX века, имя которого до сих пор будоражит умы людей. В своих произведениях он как бы заглянул в саму бездну неведомого, предчувствуя, что рано или поздно человечество столкнется с иным лицом привычной для человека природы. Хотя творчество писателя остается практически незамеченным в академической среде, его философская система *космизма* как синтез космизма и мистицизма является революционной и актуальной в свете становления неклассической науки.

Уже на этапе неклассического естествознания (первая половина XX в.) стало очевидным, что новые открытия все больше подчеркивали неразрывность субъекта с объектом познания: «печать субъективности лежит на фундаментальных законах физики», – писал А. Эдингтон, или что «субъект и объект едины, между ними не существует барьера», о чем в свое время писал Э. Шредингер [6, с. 380]. Но наиболее интересными является заключение Луи де Бройля, который полагал, что квантовая физика вообще не ведет больше к объективному описанию внешнего мира. Таким образом, познающий субъект никак не отделен от изучаемого им предметного мира, находится внутри него, а предмет неразрывно связан с восприятием объекта, тем самым образуя «субъектно-объектный синтез». Мир может раскрывать нам свои структуры и закономерности лишь благодаря активной деятельности человека.

Вerner Гейзенберг, выдающийся немецкий физик-теоретик, один из создателей квантовой механики, был первым, кто отметил, что при разделении субъекта и объекта наблюдения за объектом станут попросту невозможными. Именно исследования в области квантовой механики дали первые наглядные и неопровергимые доказательства о глубокой, неразрывной включенности человека в качестве активного элемента познания. Так, развитие современной науки показало, что исключить *субъектное* (но не *субъективное*!) из познания полностью невозможно, даже там, где «Я» субъект играет крайне незначительную роль. С появлением квантовой механики возникла «философская проблема, трудность которой состоит в том, что нужно говорить о состоянии объективного мира, при условии, что это состояние зависит от того, что делает наблюдатель» [7, с. 81]. Так, существовавшее долгое время в науке представление о материальном мире как о некоем сугубо объективном, независимом от наблюдения и наблюдателя, оказалось сильным упрощением реальной картины.

Таким образом, изменилось само понимание предмета науки: им стала теперь не реальность «в чистом виде», а лишь её срез, заданный через призму принятых теоретических и операционных средств и способов её освоения субъектом.

Становление неклассической науки, естественнонаучный склад ума, тяга к запретным знаниям – основа всего творчества Лавкрафта. «Немомиф» лавкрафтианского ужаса отличается своим крайне пессимистичным нарративом, что можно отследить во многих произведениях автора. В качестве примера можно вспомнить вводные строки из произведения «Артур Джермин»: «Жизнь ужасна сама по себе, и тем не менее на фоне наших скромных познаний о ней пропаивают порою такие дьявольские оттенки истины, что она кажется после этого ужасней во сто крат» [1, с. 1091]. Подобно мифам Древней Греции, автор в художественной форме попытался дать ответы на важные вопросы, на которые человечеству рано или поздно придется отвечать.

Лавкрафт в своих произведениях ставит бытие за пределами постигаемого разумом как возможность происхождения ужасного. Как отметил Бенджамин Нойс в работе «Horror Temporis» [8, с. 19], немногим авторам удалось выразить суть опасности как спекуляции, так и знания относительно не только душевного здоровья самого исследователя, но и постижения слишком многоного об ужасающих возможностях природы. Страх человека (как правило, неосознанный) вызван кратковременным испугом из-за неожиданного и непредсказуемого явления, хотя причина может быть безобидной. Все это лишь игра разума, созданная для объяснения окружающей действительности. Что касается ужаса, то человек испытывает его, когда знает, что в конечном итоге произойдет. Мы испытываем ужас при виде хищного зверя, потому как знаем, что нас могут разорвать и съесть. Лавкрафтовский ужас тем и уникален, что человек, сталкиваясь с неописуемым, в любом случае знает итог – прежний мир будет уничтожен. Жизнь никогда не будет прежней. Речь о миропорядке, который выстраивался столетиями не для того, чтобы в один момент распасться, оставляя лишь ужасающую реальность, в которой нет места человеческому разуму.

«Космический ужас» проистекает из того, что вызывающие его объекты не могут быть схвачены в привычных параметрах человеческой интерпретации материальной природы. Стоит упомянуть и про ужас, выражающий «опыт Ничто», о котором писал Хайдеггер в своей работе «Что такое метафизика?». В произведениях Лавкрафта герои имеют дело именно с бытием таким, какое оно есть (например, материальные, если их так можно охарактеризовать, Древние Боги), но, возможно, это еще более жуткий и более чудовищный опыт, поскольку он приоткрывает такие формы «исходного бытия», которые невозможно представить в человеческом мире – в мире, сугубо антропоцентричном [9, с. 102]. Можно сказать, что в каком-то смысле это тоже «опыт Ничто», поскольку ничто из описываемого Лавкрафтом, не может быть адекватно воспринято человече-

ским разумом. Если «Фонарь знания» в философии Шеллинга указывает путь вперед [10, с. 148; 11, с. 247], то Лавкрафт предлагает развернуть фонарь и обратиться к сокрытой тьме.

Слова, открывающие строки «Зова Ктулху», как нельзя лучше раскрывают философский замысел автора – неспособность человеческого разума соотнести между собою все, что только вмещает в себя наш мир, – это великая милость, так как мы живем на безмятежном островке неведения посреди черных морей бесконечности, и дальние плавания нам заказаны [1, с. 133–134]. Науки, трудясь каждая в своем направлении, до сих пор особого вреда нам не причиняли. Но однажды разобщенные знания будут сведены воедино, и перед нами откроются такие ужасающие горизонты реальности, равно как и наше собственное страшное положение, что мы либо сойдем с ума от этого откровения, либо убежим в мир и покой нового темного средневековья. Говард Лавкрафт в одном из самых известных своих рассказов «Извне» (From Beyond) пишет, что «науку и философию следует оставить на усмотрение холодного и безличного исследователя, поскольку они предлагают две одинаково трагические альтернативы человеку чувства и действия: отчаяние, если он потерпит неудачу в своих поисках, и невыразимые и невообразимые ужасы, если он преуспеет» [12, с. 1].

Утверждение Лавкрафта об ограниченности наших знаний и опасности спекулятивных возможностей мысли основаны на неопределенности реальности. Проблема представляет собой продуктивную способность воображения и философии в ее отношении к независимой различимости того, кто мыслит. Понятие «неименуемого», часто фигурирующего в работах писателя, – это неспособность мышления запечатлеть бытие в потоке не потому, что бытие как таковое недоступно для познания (в кантианском смысле), как ноумен, а потому, что бытие в движении и мысль, как прерывание этого движения, не менее скротечны.

Вопрос о приближающемся ужасе поднимает вопросы о пределах бытия и эпистемологии. В произведении Говарда Лавкрафта «Неименуемое» приводится пример того, как абсолютно материалистическое представление о мире сталкивается с необъяснимым, ужасным: «Нет, это было нечто совсем другое, – прошептал Мэнтон. – Оно было повсюду... какое-то же... слизь... И в то же время оно имело очертания, тысячи очертаний, столь кошмарных, что они бегут всякого описания. Я видел там глаза – и в них проклятие! Это была какая-то бездна... пучина... воплощение вселенского ужаса! Картер, это было неименуемое!» [1, с. 1030–1031].

Различие между природным и неприродным играет важную роль в работах Лавкрафта. Однако не стоит принимать сопутствующие подробности в описании неведомых существ и божеств в произведениях как умышленное упрощение самим автором. Как раз напротив. При таких рас-

суждениях может ненароком сложиться впечатление о чрезмерной наигранности и излишней пафосности созданных образов, ведь если у созданий столь чуждых нашему миру есть «щупальца, множество глаз, слизь, пасть и т.д.», то это уже сближает их с реально существующими объектами, явлениями и свойствами (например, животными – рыбами, насекомыми, ящерицами и т.д., часто образуя симбиоз), которые присущи объектам и в нашем мире. Действительно, такие образы в произведениях Лавкрафта присутствуют, но лишь потому, что их описывают сами персонажи, то есть обычные люди. Человек не может описать то, чего в нормальном мире быть не может, а потому и старается прибегнуть к тем описательным моделям, образам и даже символам, которые хоть как-то связаны с окружающим нас миром.

Вот пример того, как Лавкрафт описывает через уста персонажа образ одного из самых известных его «творений» – Ктулху: «Существо не поддавалось описанию – ибо нет языка, подходящего для передачи таких пучин кричащего вневременного безумия, такого жуткого противоречия всем законам материи, энергии и космического порядка. Шагающая, или, точнее, ковыляющая горная вершина. О Боже! Что же удивительного в том, что на другом конце Земли выдающийся архитектор сошел с ума, а бедный Уилкокс, получив телепатический сигнал, заболел лихорадкой? Прообраз чудовищных идолов, зеленое липкое порождение звезд пробудилось, чтобы предъявить свои права».

Все, к чему может апеллировать рассказчик – немногочисленным понятным для собственного же восприятия образам и сравнениям, аналогиям и рассуждениям. Можно сказать, что в данном случае не описывается образ самого Ктулху, а лишь представляется крайне «кривой» перевод увиденного, услышанного и прочувствованного человеческим разумом. Если это и относится к упрощению, то уж точно не автора, а самих персонажей, ставших свидетелями и невольными жертвами неописуемого, разум которых намеренно «упрощает», как бы сжимает окружающую действительность до постигаемых размеров, «срезая лишние углы», чтобы не сойти с ума, ведь подобное человек воспринять и выдержать не в силах.

Как отмечает его главный биограф С. Т. Джоши, creationы Лавкрафта не являются сверхъестественными, они скорее сверхнормальны – маловероятны, но отнюдь не невозможны [13, с. 89–90; 14, с. 51–52]. Если рассматривать ужас как знание слишком многоного, тогда подлинный ужас заключается в знании слишком многоного о «неименуемом». Ужас становится одновременно производящей способностью мысли и природы, при этом мысль является попыткой природы стать объектом для самой себя.

По мнению Лавкрафта, хотя законы природы всего лишь фикция, они могут прикоснуться к реальности ценой свободы воли, превращая «реаль-

ное» в вызов для мысли. «Неименуемое» только обозначается как таковое, потому что мысль еще не добралась до него. Суть рационального реализма заключается в разнице между моделью и реальностью, о которой, как выразился французский физик Бернард д'Эспанья, не пишут в большинстве научных статей, в которых основание для возможности интеллектуального познания часто допускается, хотя это основание может быть вне досягаемости [15, с. 18]. Конечно, это не отрицает возможность классического натурализма, или реизма, но выступает против того, что наше знание исчерпывает реальность окружающих вещей. Для обоснования ужающего потенциала природы, необходимы более глобальные, космологические понятия. Если природа есть возможность и невозможность самой сущности, тогда ничто не может быть противопоставлено природе, начало природы есть везде и нигде.

В рассказах Лавкрафта опыт ужаса проистекает из того, что «нечто», рассматриваемое как недоступное пониманию, в то же время можно рассматривать как существующее вопреки природе, что извращенное находится за гранью природы, понимаемой в ограниченной перспективе человеческого разума. Более того, расширение мышления не работает на то, чтобы принять во внимание всю Вселенную, а вместо этого приоткрывает завесу над фундаментальной необоснованностью космоса [16, с. 110]. Но если природа превращается в реальность без ограничений, если нет ничего невозможного в природе, то разве не теряют природное и неприродное всякий смысл? Именно опыт ужаса указывает на существование границ в природе. Даже если природа есть по большей части игра сил, это не отрицает существования материальности как свидетельства сил природы и их развития. Можно сказать, что ужас, в контексте философии космизма Лавкрафта, является ничем иным как естественным барьером, той самой невидимой границей между природой и явлениями, выходящими за ее рамки.

Актуальность данных вопросов возросла в период бурного развития квантовой физики. Так, Бернар д'Эспанья посвятил свою жизнь изучению реальности и квантовой запутанности. Его эксперименты с теоремой Белла привели его к созданию положения о концепции завуалированной реальности. В марте 2009 года Бернар д'Эспанья стал лауреатом премии Тэмплтона, присуждённой ему за «труд, признающий, что наука не может полностью объяснить природу бытия». Следует пересмотреть ряд наиболее укоренившихся понятий о пространстве и каузальности [17, с. 18]. К такому выводу, по мнению Бернара д'Эспанья, придет каждый, кто всерьез воспринимает квантовую механику. То, что предоставляет нам квантовая механика, по крайней мере удивительно. Речь о том, что базовые компоненты объектов не могут считаться «самосуществующими». Реальность, компонентами которой все объекты являются, это лишь «эмпири-

ческая реальность», нечто такое, что, не будучи чисто вымышленным конструктом, как представляет ее радикальный идеализм, может быть лишь картиной, которую нас заставляет формировать наш ум. Но картиной чего? За эмпирической реальностью находится неконцептуализируемая «исходная реальность» [18, с. 38].

Подводя итог вышесказанному, подчеркнем, что понятие «неименуемое» в произведениях Г.Ф. Лавкрафта можно считать попыткой осмысливания трансцендентности бытия через созданный неомиф, опирающийся на контекст времени, научно-технический прогресс и личную точку зрения автора. В то же время, работы Лавкрафта, как и любой неомиф, опираются на концептуальные модели, заимствованные из мифологии, чаще всего древнегреческой. Понятие «неименуемого» тесно связано с ужасом, так как именно опыт ужаса указывает на существование границ в природе, а, следовательно, познаваемой человеком реальности.

Список литературы

1. *Лавкрафт Г.Ф.* Артур Джермин // Зов Ктулху. Хребты Безумия. Мгла над Инсмутом. Повести. Рассказы. – СПб.: Азбука, 2015. С 1091–1103.
2. *Кант И.* Сочинения на немецком и русском языках: в 4 т. / под ред. Б. Тушлинга, Н. Мотрошиловой. – М.: Изд. фирма АО «Ками», 2006. Том II, кн. 1. – 937 с.
3. *Гесиод.* Полное собрание текстов. – М.: Лабиринт, 2001. – 256 с.
4. *Лосев А.Ф.* Мифология греков и римлян / сост. А.А. Тахо-Годи; общ. ред. А.А. Тахо-Годи, И.И. Маханькова. – М.: Мысль, 1996. – 975 с.
5. *Обидина Ю.С.* Смерть в греческом обществе эпохи архаики и классики: парадоксы восприятия и социокультурные проекции: монография. – Йошкар-Ола: Марийский государственный университет, 2019. – 222 с.
6. Философия и методология науки / Кохановский В.П. [и др.]. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2003. – 576 с.
7. *Борн М.* Физика в жизни моего поколения. – М.: Изд-во иностр. лит., 1963. – 536 с.
8. *Noys B.* Horror Temporis // Collapse: Philosophical Research and Development. Falmouth: Urbanomic. 2008. Vol. IV. Pp. 277-286.
9. *Сауткин А.А.* Космический пессимизм Г.Ф. Лавкрафта и некоторые параллели к нему // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2024. № 10-4(97). С. 101–104.
10. *Шеллинг Ф.В.Й.* Идеи к философии природы как введение в изучение этой науки. – СПб.: Наука, 1998. – 518 с.
11. *Шеллинг Ф.В.Й.* Система трансцендентального идеализма // Соч.: в 2 т. – М.: Мысль, 1987. Т. 1. 528 с.
12. *Lovecraft H.P.* From Beyond. Fantasy Fan. 1934. № 1(10). P. 5.
13. Joshi S.T. H.P. Lovecraft: The Decline of the West. – Berkley Heights, NJ: Wildside Press, 1990. – 172 p.
14. *Будард Б.* Мысление вопреки природе: природа, идеация и реализм между Лавкрафтом и Шеллингом // Логос. 2022. Т. 32, № 2(147). С. 43–64.
15. *d'Espagnat B.* On Physics and Philosophy. – Princeton: Princeton University Press, 2006. – 503 p.
16. *Bell John S.* Speakable and Unspeakable in Quantum Mechanics. – Cambridge: Cambridge University Press, 1987. – 288 p.
17. *d'Espagnat B.* On Physics and Philosophy. – Princeton: Princeton University Press, 2002. – 751 p.
18. *d'Espagnat B.* Veiled Reality: Analysis of the Quantum Mechanical Worldview / B. d'Espagnat. – 2nd ed. – Boulder, CO: Westview Press, Perseus Books, 2003. – 496 p.

Danil A. Liubchenkov

Blagoveschensk State Pedagogical University,
104, Lenina st., Blagoveshchensk, Amur Region, 675004

Alexander S. Chuprov

Blagoveschensk State Pedagogical University,
104, Lenina st., Blagoveshchensk, Amur Region, 675004

***THE TRANSCENDENT AS "UNNAMED"
IN THE WORKS OF H.P. LOVECRAFT***

Since ancient times mankind has tried to go beyond the limits of sensory experience. The images formed in myths and legends were a vivid expression of not just the metaphysical and noumenal (transcendental), but the transcendent. One of these images was the goddess Hecate, who shows that knowledge that violates the principles of morality threatens madness. In his quest for knowledge, man has stopped thinking about the consequences that sooner or later he will have to face. Howard Phillips Lovecraft is a cult figure in world literature, whose works anticipated the clash of mankind with the problem of the boundary of the transcendent concept of being, and his philosophy of cosmicism proved to be very relevant in the context of the formation of nonclassical and post-nonclassical science, the feature of which was the entry of the subject of knowledge into the "body" of knowledge, changing the very understanding of the subject of science. The "neo-myth" of Lovecraftian horror, like classical myths, is an attempt to overcome stable conceptual models of understanding existential issues in the space of interdisciplinary synthesis of humanitarian and natural science knowledge. The article shows that Lovecraft's works, like any neomyth, are based on conceptual models borrowed from mythology, most often ancient Greek, and the main concept of his philosophy – "the unnamable" – is closely connected with horror, since it is the experience of horror that indicates the existence of boundaries in nature, and, consequently, the reality cognizable by man.

Keywords: Lovecraft, being, cognition, philosophy of horror, the frontiers of knowledge.